

А. А. Федоров-Давыдов

Сказка за сказкой

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. А. Федоров-Давыдов**
Сказка за сказкой / А. А. Федоров-Давыдов – М.: Книга по Требованию, 2014. –
96 с.

ISBN 978-5-458-09368-2

История за историей. С рисунками А. Н. Комарова.

ISBN 978-5-458-09368-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

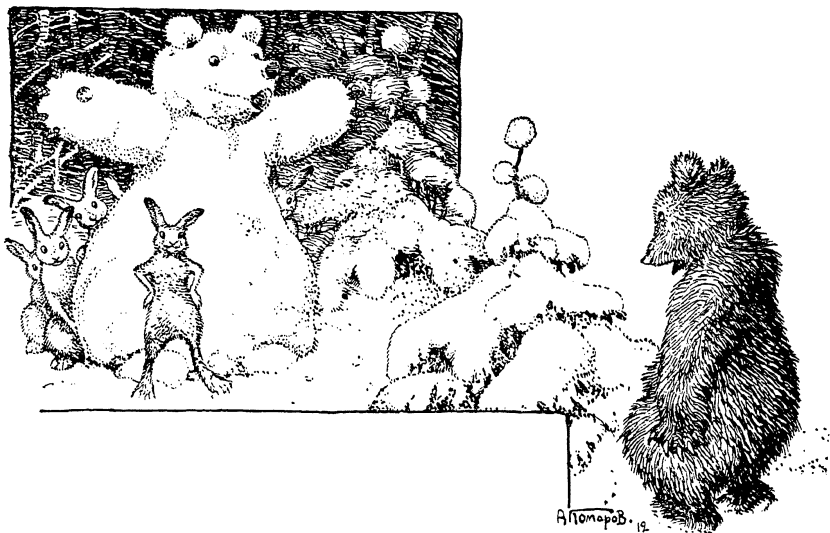
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БѢЛОЕ ЧУДОВИЩЕ.

I.

Ясной, холодной ночью на лѣсной полянкѣ собрались зайчата и взрослые почтенные зайцы, и пошли у нихъ толки да пересуды, жалобы да розказни... Зайчата затѣяли, было, игры, на кулачки драться начали,— да на нихъ прикрикнули, и они притихли...

— Плохо дѣло, братики мои любезные,— сказалъ старый заяць, Корноухъ, — такая жизнь наша, что хоть ложись и умирай.

— Правильно сказывать изволишь, батюшка-Корноухъ,—всплакалась старая зайчиха,—вонъ на-дняхъ моего зайца волкъ заѣлъ. Силь просто не стало терпѣть...

Повѣсили носы, развѣсили уши зайцы,—вздыхаютъ, охаютъ отъ горя нескондаго...

Оно и правда, было въ лѣсу жить всякой мелкой звѣрюгѣ тяжеленько. Ужъ очень стали преслѣдовать и волки, и лисицы, и медвѣди. Чуть немного зазѣваешься,—сейчасъ кто-нибудь словить тебя,—и конецъ.

И сколько бѣдными зайцами слезъ было повыплакано, сколько зайчатъ-сиротъ по лѣсной трущобѣ бѣдствовало,—такъ и описать невозможно...

— Да,—сказалъ важно дядя Корноухъ,—братцы мои короткохвостые,—тяжело зайцу бѣдному на свѣтѣ живется... Только нечего вамъ носъ вѣшать, а надо уши насторожѣ держать, потому что надумалъ я такую вещь, что и волковъ, и лисицъ, и медвѣдей мы построимъ и въ обиду себя не дадимъ!..

Сказалъ и вдругъ задрожалъ отъ страха и уши развѣсилъ... Изъ сосѣднихъ кустовъ неожиданно-негаданно высунулась хитрая волчья морда и пренеприятно оскалила зубы...

— А ну-ка, повтори, любезный, свои слова,—щелкнулъ зубами старый волкъ,—умныя вещи пріятно послушать.

Зайцы оторопѣли, сбились въ кучку, а дядю Корноуха оставили одного...

— Сударь волкъ...—пробормоталъ дядя Корноухъ, — какими судьбами?.. На прогулку вышли?..

— Нечего, нечего притворяться-то! Слышалъ я, какъ ты тутъ хвасталъ, что насъ усмирить ты хочешь... Такъ вотъ и хочу я узнать отъ тебя, что означаютъ эти твои слова...

Дядя Корноухъ тоскливо оглянулся по сторонамъ, — какъ бы уйти ему куда-нибудь, да волкъ ему лапой погрозилъ, и дядя Корноухъ собрался съ духомъ, махнулъ лапой на все и рѣшительно сказалъ:

— Извольте, сударь волкъ!—сказалъ онъ и почтительно кашлянулъ въ лапу,—долженъ я вамъ сообщить пренепріятное извѣстіе. Дѣло въ томъ, что ѣдетъ къ намъ сюда съ далекаго холоднаго моря бѣлый полярный медвѣдь!.. Ростомъ—огромный, силы непомѣрной!.. Глазищи—вотъ; когтищи—этакіе, а зареветь—съ ногъ повалишься...

Волкъ вытаращилъ глаза, невольно поджалъ хвостъ и оглянулся...

— А зачѣмъ же онъ сюда ѣдетъ?..

Дядя Корноухъ видѣлъ, какое впечатлѣніе произвели его слова на волка,—осмѣлялъ и продолжалъ:

— А ѣдетъ онъ сюда королевство устроить, и я самъ его сюда выписалъ... Мы у него на службѣ будемъ, потому что и онъ бѣлый, и мы бѣлые!.. Да!..

— Да вѣдь онъ ѣстъ же что-нибудь, бѣлый-то медвѣдь? Вѣдь и васъ онъ ѣстъ будетъ?..

— Что вы, что вы,—возмутился заяцъ, замахавъ лапами.—Звѣрь такой важный да строгій,—одной рыбой питается... Скушалъ рыбку,—и довольно... Да развѣ я сталъ бы себѣ на голову чудовище какое-нибудь вызывать!..

— Врешь ты все,—сказалъ волкъ, но какъ-то нерѣшительно.—Слышалъ я про бѣлыхъ медвѣдей,—точно, сильны и свирѣпы они, да съ какой стати онъ сюда пойдетъ?..

— А королевство-то устраивать!..—сказалъ дядя Корноухъ,—тутъ ему жить куда какъ хорошо будетъ!.. Да что заранѣе говорить,—подождите, сами увидите. На недѣль прибудетъ и такой порядокъ по всему лѣсу наведетъ, что лучше и не надо!..

Дядя Корноухъ говорилъ это такъ увѣренно и твердо, что тоска одолѣла волка...

— А вотъ за эти за твои слова,—нерѣшительно сказалъ онъ,—взять бы тебя, да за ухо на сосну повѣсить другимъ въ назиданіе, чтобы ты не морочилъ никого!..

— Лапы коротки!.. — усмѣхнулся заяцъ, сложилъ лапы на груди и добавилъ важно:— потому я у его королевскаго величества правой лапой буду!..

— Пошелъ ты прочь,—заревѣлъ обиженно волкъ,— что ты меня морочишь!.. Убирайся, а не то плохо будетъ!..

Дядя Корноухъ только этого и ждалъ,— не простился съ волкомъ, бросился въ сторону и пошелъ скакать черезъ пни, буреломъ да снѣжныя кочки,—только его и видѣли...

Той же ночью встрѣтилъ волкъ лису и рассказалъ ей про то, что узналъ отъ дяди Корноуха.

— Да, можетъ, онъ путаешь что-нибудь,— сказала лиса,— заяцъ-то твой!..

— Ты бы посмотрѣла на него,—герой-героємъ. Я, да я,—мнѣ никто не братъ!.. Я тако-го отчаяннаго зайца никогда и не видѣлъ. Нѣтъ, тутъ дѣло не проста,—уныло сказалъ волкъ.

— Слышала и я про эти вѣсти, да все не вѣрилось,— сказала лиса. — Развѣ медвѣдя спросить?..

Михайло Топтыгинъ въ ту ночь былъ ужасно не въ духѣ. Онъ опоздалъ устроить себѣ на зиму берлогу; теперь дѣло у него никакъ не ладилось, и онъ фыркалъ на всѣхъ и капризничалъ.

Угрюмо выслушалъ онъ вѣсть про бѣлаго медвѣдя и коротко сказалъ:

— А я его съѣмъ!..

— Кого это?..

— Да бѣлаго медвѣдя!..

— О, чудакъ!.. Да онъ, слышь ты, вдвое больше тебя...

— И весь бѣлый?..

— Бѣлый!.. И зубы—вотъ этакіе, и когти—вотъ какіе!..

— А я его все-таки съѣмъ!..—упрямо про-рычалъ медвѣдь.

Такъ никакого толку отъ него и не добились,—махнули на него лапой и пошли по своимъ дѣламъ...

II.

А у зайцевъ той порой, по совѣту дяди Корноуха, въ глухомъ, потайномъ мѣстѣ работа такъ и кишѣла. Работали дружно, цѣлой артелью...

Скатали зайцы снѣжные комья, сложили ихъ грудой и стали лѣшить медвѣжье чучело, да огромное, да страшное... Вышло такое чучело, какого никто и не ожидалъ... Сами зайцы даже сначала испугались того, что сдѣлали, и опасались подходить близко...

— Вотъ такъ медвѣдь!.. — восторгались они, — настоящій король!.. Не то, что нашъ Михайло Топтыгинъ, — и видъ у него совсѣмъ другой!..

Дядя Корноухъ сейчасъ же поскакалъ вѣстовымъ по лѣсу, забѣжалъ къ волку, крикнулъ ему задыхающимся отъ радости голосомъ: — «Изволили прибыть!..» — и поскакалъ дальше. Навѣстилъ лису и издалека крикнулъ ей: — «Король пожаловалъ!..» А потомъ завернулъ къ медвѣдю, который все еще хлопоталъ съ устройствомъ берлоги и потому былъ не въ духѣ.

— Изволили пріѣхать!.. — сказалъ ему дядя Корноухъ.

— Кто пріѣхалъ? — огрызнулся медвѣдь...

— Король Бѣлый Медвѣдь!..

Михайло Топтыгинъ почувствовалъ, какъ что-то дрогнуло у него въ груди, и съ тревогой спросилъ:

— А не врешь ты?..

— Извольте къ намъ пожаловать на лѣсную полянку—да поклонитесь королю!..

— Брысь отсюда!.. — зарычалъ на него медвѣдь, да такъ свирѣпо, что заяцъ положительно не могъ понять,—какъ онъ остался живъ.

Однако, извѣстіе зайца Корноуха задѣло за живое Михайлу Топтыгина, и онъ рѣшилъ пойти посмотрѣть на невиданное чудище своими собственными глазами.

«А можетъ быть, и подружусь съ нимъ,—разсуждалъ самъ съ собой медвѣдь.—Все-таки онъ свой братъ, медвѣдь... Волку да лисѣ хуже, а я—что жъ... И онъ—медвѣдь, и я—медвѣдь... Только шубы у насъ разныя».

И онъ отправился въ глухую чащу лѣса, на заячью площадку, нарочно громко кряхтя и фыркая, чтобы тотъ, бѣлый, не очень ужъ сильно важничалъ... И все-таки на сердцѣ онъ чувствовалъ какую-то робость и неловкость...

Не даромъ эти зайцы такъ расхрабрились: что-нибудь такое да есть у нихъ, какая-нибудь заручка!..

Еще издали услышалъ онъ громкое ликование огромной стаи зайцевъ и вдругъ, поднявъ глаза, обомлѣлъ, затрясся и сталъ на мѣстѣ, какъ вкопанный...

На лѣсной полянкѣ стоялъ на заднихъ лапахъ огромный бѣлый медвѣдь, выпучивъ глаза, разинувъ пасть и разставивъ лапы, словно онъ только и ждалъ случая, какъ бы схватить кого-нибудь и подмять подъ себя..

— А ва-ва-ва!.. — пробормоталъ Михайло Топтыгинъ, робко пятясь назадъ. — Извините!..

Дядя Корноухъ выскочилъ къ нему и торжествующе сказалъ ему:

— Ну, что?... Правду я говорилъ?.. Сегодня лучше и не подходите... Очень сердитъ!.. А зайдите какъ-нибудь на-дняхъ!..

— Можетъ, вечеркомъ, когда посвободнѣе,—прошепталъ медвѣдь зайцу дружелюбно.— Ужъ ты похлопочи, замолви за меня словечко. Что жъ, я тебя никогда не обижалъ...

— Хорошо, хорошо,—сказалъ дядя Корноухъ.— Идите себѣ домой, я ужъ все устрою!.. Только теперь ни вы сами, ни волкъ, ни лиса — лучше и не трогайте зайцевъ. А то бѣда будетъ!..

— Да ну васъ,—живите, какъ знаете!.. — сказалъ медвѣдь,—мнѣ бы только въ берлогу залечь. Такъ ужъ я пойду...

— Идите, идите!..

Съ той поры зайцамъ стало жить въ лѣсу

куда какъ хорошо и вольно. На лѣсной полянкѣ, вокругъ бѣлаго медвѣдя, нарыли они себѣ норку въ снѣгу, и благодумствовали, какъ никогда въ жизни.

Михайло Топтыгинъ такихъ ужасовъ не сказалъ о бѣломъ медвѣдѣ лисѣ и волку, что тѣ предпочитали обходить стороною заячій поселокъ. А самъ Михайло Топтыгинъ наскоро устроилъ себѣ берлогу, залегъ въ нее и притворился, что онъ и усталъ-то, и расхворался-то,—лишь бы не идти на поклонъ къ бѣлому медвѣдю.

III.

Ранней весной какъ-то вылѣзъ Михайло Топтыгинъ изъ своей берлоги и пошелъ бродить по лѣсу. Бродилъ, бродилъ и вспомнилъ про бѣлаго медвѣдя.

«А ну-ка,—думаетъ,—пойду, гляну я на него глазкомъ,—каково-то онъ поживаетъ!..»

Съ опаской, озираясь на каждомъ шагу, замирая отъ страха, подкрадывался Михайло Топтыгинъ къ лѣсной полянкѣ, гдѣ заячій поселокъ былъ.

Осторожно раздвинулъ онъ кусты, взглянулъ на поляну и удивился...